

Будешь ты чиновник
с виду

И подлец душой.

Н.А.Некрасов.

Колыбельная песня.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ДЕФОРМАЦИИ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ (чиновник как социально-психологический тип).

Предмет доклада – фундаментальные патологии бюрократического сознания, моральная ущербность системы ценностей присущих бюрократической корпорации как таковой и представляющей в ее нынешнем состоянии реальное и опасное политическое зло. Бюрократическая психология рассматривается сквозь две взаимно дополняющие «линзы»: личностные установки и стереотипы сознания. В числе первых анализируются кастовость, безразличие к социальному смыслу служебной деятельности, подмена общих интересов групповыми и личными, отношение к иерархии как к основополагающей ценности, ориентация на стабильность. К стереотипам относятся функционерское сознание, корпоративная этика, доминирование охранительных типов поведения, перенесение элементов своей служебной роли на собственную персону, Перечисленные черты иллюстрируются обширными цитатами из классической художественной, научной и мемуарной литературы. Автор полагает, что произошло злокачественное перерождение «нормальной» бюрократии в патологическую форму. Вопрос, возможно ли ее

терапевтическое излечение без радикальных мер, автор оставляет открытым.

Ключевые слова: бюрократия, чиновник, сознание, психология, корпоративизм.

Около 20 лет своей научной карьеры я отдал попыткам улучшить «породу» отечественных чиновников. Мне казалось, и представляется до сих пор, что без этого мы не только не сможем выйти на траекторию устойчивого экономического и социального развития, но и не застрахованы от реставрации архаических форм и методов государственного управления, от провалов государства. К сожалению, несмотря на все усилия, удалось сделать гораздо меньше, чем хотелось. КПД своей научной, преподавательской и экспертной деятельности вынужден в лучшем случае сравнить с КПД паровоза, т.е. с застрявшим в памяти еще со школьных времен примером низкой эффективности. Реставрационные тенденции возобладали. Общий анализ причин произошедшего - большая комплексная проблема. Данный доклад посвящен одному, но представляющемуся крайне важным аспекту - типичным психологическим деформациям сознания чиновника, искажениям «кривого зеркала», через которое он видит социально-

экономический смысл своей служебной деятельности, свои функциональные обязанности и полномочия, да и более широкую картину мира и свое место и роль в ней в качестве «винтика» государственной машины. Большого или меньшего размера.

В процессе работы над этим текстом мне неоднократно вспоминались две сентенции двух наших, пожалуй, самых пронцательных мыслителей конца 19 – начала 20 веков – Василия Осиповича Ключевского и Бориса Николаевича Чичерина. Ключевский заметил, что **государству у нас служат худшие люди, а лучшие – лишь худшими своими свойствами**. Чичерин, говоря о начальных годах царствования Александра Третьего - **правительство ясно показало, что оно не нуждается в порядочных людях**. Конечно, полностью проецировать эти высказывания на нашу современную государственную службу было бы не вполне корректно. Однако определенные аналогии напрашиваются.

Вообще проблематика теории бюрократии приобрела в последние десятилетия повышенную актуальность и политическую остроту. Многие из ее базовых, казавшихся незыблемыми, постулатов подвергаются критическому переосмыслению. Мир столкнулся с кризисом бюрократических форм

правления. Кризисом и эффективности, и общественного доверия. Говорят даже о постбюрократическом мире как возможном варианте будущего общества. Так или иначе, государственная служба в передовых странах сейчас переживает период самых больших проблем, как минимум, за последний век. Серьезные поиски и эксперименты направлены на выработку новой ее модели, которая в большей мере, чем веберовская классика, должна будет соответствовать потребностям сегодняшнего и завтрашнего дня, общественным требованиям и ожиданиям. России, к сожалению, и в данном отношении (как и во многих других) мало чем есть похвастаться. Обо всем этом немало написано, в том числе - и автором.

Правда, было бы несправедливым сказать, что совсем уж ничего в данном направлении у нас в постсоветские времена не делалось. Это не так. И комиссии многочисленные работали, и законы в чем-то неплохие принимались, и денег на реформы госаппарата было потрачено, мягко говоря, немало. Но для общей максимально краткой оценки результатов всей этой реформаторской деятельности, думаю, хорошо подходит ленинская оценка в чем-то сходной ситуации начала 20-х годов из его практически

последней работы "Лучше меньше, да лучше": ""Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны... Мы уже пять лет суедемся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суета, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность или даже вредность... она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги." ¹ Думаю, реальная ситуация у нас сегодня если и получше, то ненамного.

Но в настоящем тексте я не буду касаться вопросов реформ, а сосредоточусь лишь на тех моментах, которые обозначены в заголовке. Они представляются мне для нас критически важными, поскольку современная Россия превратилась в **полицейско-бюрократическое государство** в худшем смысле каждого из слов и с близкими к катастрофическим последствиями этого для общества. В классической философской парадигме оно ассоциируется с гоббсовским Левиафаном, а в современном художественном контексте – с фильмом Андрея Звягинцева под тем же зловещим названием – «Левиафан».

События последних лет и месяцев полностью обнажили моральную ущербность, чтобы не сказать уродство, коллективного сознания и системы

ценностей нашей бюрократической корпорации. А учитывая масштаб ее влияния на общественную жизнь, эта аномалия наносит неисчислимый ущерб нормальной жизни российского социума в самых разных ее областях. Отечественная бюрократия в ее нынешнем состоянии превратилась в реальное **политическое зло**. А, как заметил С.И.Каспэ: "Зло токсично; проникновение его в один сегмент ставит под угрозу и все смежные."² Более того, бюрократическое зло, в котором тесно переплелись и уже трудно делимы его политическая и административная стороны³, достигло, по моему мнению, злокачественной стадии. Есть даже соблазн спроецировать на нашу бюрократию название пьесы Генрика Ибсена - "Враг общества", если бы это не вывело нас за пределы научного формата. Поэтому аналитическое описание **патологий феномена бюрократического сознания** критически важно не только в теоретическом, но и в сугубо практическом отношении. Если мы не сумеем принять эффективных мер по лечению от них нашего общественного организма, то за исход трудно поручиться. Но чтобы лечение было успешным, ни заклинания, ни выборочные локальные кровопускания не помогут. А мы в данном случае, похоже, только начинаем

выходить из этой средневековой стадии лекарского искусства.

Разумеется, бюрократия в точном смысле слова - отнюдь не синоним бюрократизма и к нему не сводится. Это достаточно хорошо известно, и не будем на этом останавливаться. Но я в данном случае отправляюсь от феномена имманентного перерождения одного в другое - относительно нормальной бюрократии в бюрократизм. И объект последующего разговора именно он. Поэтому сначала напомним само понятие бюрократизма. Есть немало его определений. Но для данного случая ограничимся определением из нашего коллективного учебника по государственной службе. Итак, **бюрократизм включает в себя следующие компоненты: в политическом плане - гипертрофическое разрастание и безответственность исполнительной власти; в социальном - отчуждение этой власти от народа; в организационном - канцеляристскую подмену содержания формой; в морально-психологическом - бюрократическую деформацию сознания.** ⁴

Феномен бюрократизма многолик, многофакторен и связан мириадами нитей почти со всеми общественными институтами. Это целая проблемная область, изучение которой требует усилий

обществоведов многих специальностей. Мы в данном случае ограничиваемся психологическими и этическими аспектами **бюрократической личности**.

Бюрократическая психология.

Попытаемся обрисовать некоторые существенные черты сознания, психологии бюрократа, описать его как определенный личностный тип. Поскольку за деятельность бюрократических личностей нашему обществу сейчас приходится расплачиваться очень дорогой ценой, "узнаваемый" психологический портрет бюрократа представляет отнюдь не только академический интерес. Человек, как известно, во многом живет в мире своих субъективных, порой неадекватных, представлений об объективной реальности. В случае бюрократа это некоторые специфические черты морали и психологии, присущие государственным служащим, своего рода "корпоративная этика", стимулирующая формирование определенных личностных качеств. На этой основе возникают и развиваются бюрократические деформации профессионального сознания служащих. Тому есть много причин: и пороки системы управления, и давление макро- и микросреды, и индивидуальные дефекты морального сознания у части работников. При этом наличие необходимых для работы деловых

качеств отнюдь не компенсирует личную нечестность или непорядочность чиновника, а, напротив, делает его более изощренным и потому более опасным. Коррупциогенная "изобретательность" наших бюрократов - ярчайшее тому подтверждение.

Коррупцию же я вообще бы отнес к числу особо опасных антигосударственных преступлений. В каком-то смысле она по своим социальным последствиям даже опасней насильственных преступлений и грабежей, ибо насильник и грабитель действуют от своего лица, либо, максимум, от лица своей шайки, мафии. Коррупционер же прикрывается щитом государственных полномочий, да к тому же при нынешнем перекосе нашей правоохранительной системы защищен гораздо больше рядового гражданина. Поэтому его преступные действия бьют по престижу государства в целом, оказывают разрушительное действие на общественную, в том числе политическую, мораль.

Как известно, профессия накладывает на личность человека свой отпечаток. Особенно это относится к профессиям квалифицированным. Концепция «моральной идентичности» профессиональных групп, представление, что профессии создают свое собственное, специфическое моральное сознание,

было выдвинуто французским социологом Э.Дюркгеймом, отмечавшим, в частности: «Функциональное многообразие влечет многообразие моральное, которое ничем не может быть предотвращено.»⁵ В контексте темы уместно вспомнить знаменитое эссе М.Вебера "Политика как призвание и профессия". Это в полной мере относится и к государственным служащим как социально-профессиональной группе, несущей специфические социально-психологические и этические черты. Понятия «чиновничье сознание», «бюрократическая личность» наполнены вполне конкретным содержанием, причем оно включает как негативные, так и некоторые позитивные особенности. Но в целом негативное восприятие бюрократического сознания в обществе явно преобладает. Государственная служба – особый мир, в котором обычные человеческие чувства приобретают специфические, дефектные с точки зрения обычной человеческой морали, формы.

Вот как, например, воспринял этот мир один из наиболее одаренных отечественных администраторов эпохи Александра I, министр юстиции И.И.Дмитриев: «Со вступлением моим в гражданскую службу, я будто вступил в другой мир, совершенно для меня новый. Здесь и знакомства, и ласки основаны по большей

части на расчетах своекорыстия; эгоизм господствует во всей силе; образ обхождения непрестанно изменяется, наравне с положением каждого. Товарищи не уступают кокеткам: каждый хочет исключительно прельстить своего начальника, хотя бы то было за счет другого. Нет искренности в ответах: ловят, помнят и передают каждое слово.»⁶ Вероятно, эти суждения не свободны от некоторых крайностей, связанных с распространенным в то время среди просвещенных дворян духом возвышенного сентиментализма, который при столкновении с реальным миром порождал неизбежную ошибку. Однако в целом характер «канцелярского духа» схвачен довольно точно. Перейдем теперь к другим особенностям и деформациям бюрократического сознания.

Итак, черты бюрократической личности. Пожалуй, лучше всего они видны, если посмотреть на них через две разные, но взаимодополняющие "линзы" - через установки сознания и через его стереотипы.

Установки бюрократической личности.

На уровне социальных установок личности бюрократическому сознанию присущи:

1.Кастовость, чувство принадлежности к особенной статусной группе. Вероятно, исторически это связано с антидемократическим характером нашего государства и общества. Вспомним хотя бы лапидарную, как всегда, формулу Пушкина: "У нас не ум ума почитай, а чин чина почитай". По причинам, неоднократно описанным применительно и к царскому, и к советскому периодам нашей истории, чинопочитание и роль чина в людском сознании всегда были непомерно велики.

Замечательное карикатурное описание этой социально-психологической аномалии, а также дошедших до стадии патологии нюансов отечественного чиновничьего сознания, сочетающего высокомерие с холопством, в его в сравнении с европейскими странами, есть в «Мертвых душах». На него и страницы не жалко: "Надобно сказать, что у нас на Руси если не угнались в чем другом за иностранцами, то далеко перегнали их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий: он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, поподличает в меру перед

первым. У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а с тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот, - словом, хоть восходи до миллиона, все найдутся оттенки. Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии. Прошу посмотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, - да просто от страха и слова не выговоришь! Гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? Просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем сделается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожается в песчинку! "Да это не Иван Петрович, - говоришь, глядя на него, - Иван Петрович выше ростом,

а этот и низенький и худенький; тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот черт знает что: пищит птицей и все смеется. Подходишь ближе, глядишь - точно Иван Петрович"⁷

И если бы это относилось только к "проклятому прошлому". Но нам ведь и сейчас навязывают новые варианты чиновничьей "особости". Некоторые теоретизирующие "ученые приказчики" (в данном случае эта уничижительная ленинская кличка весьма подходит) пытаются легитимировать образ "сословного общества" применительно и к современной России. Для этого вводится понятие "административного ресурса", причем не как формы злоупотребления должностными полномочиями, а как якобы имманентной для России нормы отношений.⁸ Практики же выражают свои, по сути, те же чаяния попроще: госслужащие полюбили называть себя "новым дворянством". Конечно, можно было бы оставить это пищей для сатириков, если бы не разрушительный моральный эффект подобных чиновничьих вербальных упражнений для молодого поколения. Я, увы, порой наблюдал его на своих студентах, желающих приобщиться к «привилегированному сословию». Что, в общем, немудрено, если даже курсы им читают под названиями: "Элита и рынки власти", "Сословная

структура современной России". Особенно этим кичатся спецслужбисты. Разумеется, именоваться не опричниками или жандармами, а дворянами куда приятней. А доходящие порой до зловещего гротеска выплески подобного типа сознания мы, увы, наблюдаем, особенно в последнее время.

Вообще приобщение к власти, даже ограниченное или иллюзорное, порождает серьезные моральные искушения и содержит определенный потенциал для социально-психологической деформации личности. В некотором смысле это **тест на порядочность**. И далеко не все его проходят по естественным человеческим меркам. Мы сейчас столкнулись с этим в полной мере. Думаю, данный феномен заслуживает не столько морализаций, сколько серьезного научного анализа.

2. Безразличие к социальному смыслу, назначению и последствиям своей служебной деятельности. Это проявляется в "переворачивании" проблемы формы и существа с приданием форме преувеличенного, а порой и самодовлеющего значения. Данное явление подробно изучается социологией организации. Впервые же его описал молодой К.Маркс, отметив, что бюрократия выдает "формальное за содержание, а содержание - за нечто

формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи - в государственные."⁹ Это, в частности, порождает и вызывающее у "нормальных" людей болезненное неприятие **бюрократическое бездушие**. Эрик Фромм писал в данной связи: «Как только человек сводится к простому номеру в каком-то списке, настоящие бюрократы могут совершать по отношению к нему самые жестокие поступки, и не потому, что ими движет жестокость,... а потому, что они не испытывают никаких человеческих чувств по отношению к своим подопечным...их совестью является выполнение долга, люди как объекты сочувствия и сострадания для них не существуют.»¹⁰

Холодная **бесчеловечность** действий "государевых слуг" особенно драматически и жестоко проявляется в действиях наших так называемых правоохранительных органов (которые во многих случаях уместней называть правонарушающими). В этическом же плане их действия порой представляют просто демонстративное попрание всех моральных норм, элементарных принципов порядочности. Причем это касается не только прямых "силовики", но и инстанций, которые по своему основному назначению должны защищать права и свободы граждан, в том

числе - от их попрания силовиками. Я имею в виду суды. Надо сказать, что это не исключительно российская проблема. И в других странах полиция порой проявляет избыточную, выходящую за рамки закона жесткость по отношению к гражданам, особенно во время протестных акций. Однако в странах реальной демократии и гуманитарной политической культуры суды сплошь и рядом набрасывают на них правовую "уздечку" с соответствующими последствиями. У нас же, как известно, суды в делах подобного рода самоограничились функцией псевдоюридического оформления неправовых в своей основе действий, являясь, в сущности, лишь завершающим звеном репрессивной системы. Видимо, имеет скрытый семантический смысл то, что в Западных странах данная система называется не "силовой", а *law enforcement system* т.е. принуждающей к соблюдению права).¹¹ За различием в словах стоят разные реалии.

В данной связи представляется очень важным существование у нас принципиально разных морально-психологических типов юристов. Их, как минимум, два. Одни служат воплощаемым в праве идеалам справедливости, что является главным атрибутом неформального кодекса чести подлинного юриста, другие - начальству, текущей конъюнктуре,

своекорыстным карьерным и материальным интересам. Об этой типологии и последствиях отсеивания честных юристов от государственно-властных решений и замене их "чиновниками от юриспруденции" довольно точно написала Е.А.Лукьянова: "В моей стране много высокопрофессиональных независимых экспертов в области права. Но они, как правило, отстранены от принятия государственно-властных решений, потому что в течение 20 лет государство отбирало для себя таких юридических исполнителей, которые были ему удобны... В итоге сформировалось два юридических сообщества, которые говорят на совершенно разных языках и оперируют различными юридическими конструкциями".¹² И далее она довольно подробно описала морально-психологические установки "чиновников от юриспруденции" и губительные последствия их доминирования в важных правовых коллизиях. А мне в данной связи вспомнилась ремарка Ханны Арендт: "Гитлер, говоря, что он с нетерпением ждет, когда профессия юриста станет в Германии позорной, был очень последователен в своей мечте об идеальной бюрократии"¹³. Понятие бюрократизированного юриста (или юридического

бюрократа, порядок слов не суть важен), к несчастью, весьма применимо к нашей реальности.

Должен заметить, что в данной связи возникает желание отчасти переосмыслить толстовское негативное отношение к юстиционной системе тогдашней России. Роман "Воскресенье" с описанием ее бесчеловечной несправедливости по отношению к Катюше Масловой (по современному говоря - кейс Катюши Масловой) вызвал острую критику и неприятие идеи якобы имманентной незащитности человека, оказавшегося в руках "правовиков", невозможности добиться справедливости в силу самой логики правоприменительной системы и функционирующих в ней людей. И в самом деле, человечество вроде не придумало ничего лучшего для защиты людей, чем механизмы обеспечения соблюдения по отношению к ним норм права. Однако с высоты опыта людей нашего столетия (а вернее сказать - из-под глыб напластований советской карательной юстиции и сегодняшней циничной и безнаказанной правонарушающей полицейской и судебной практики) невольно думается: а, может, Лев Николаевич был не так уж и неправ?!

3.Подмена (часто неосознаваемая, но от этого не менее опасная) общих, государственных

интересов частными, ведомственными или корпоративными (аппаратными), а порой – и эгоистическими личными. Снова обратимся к К.Марксу, антибюрократическая критика которого очень точна, глубока и актуальна. Она во многом имеет универсальное значение, хотя непосредственный объект его наблюдений был весьма ограниченным - прусская бюрократия первой половины XIX века. Маркс писал в связи с рассматриваемой установкой: "Бюрократия должна... защищать МНИМУЮ всеобщность особого интереса, корпоративный дух, чтобы спасти МНИМУЮ особенность всеобщего интереса, свой собственный дух."¹⁴ На языке, более приближенном к реалиям госаппарата, это означает, как минимум - обуженное, зашоренное ведомственными и иными перегородками понимание чиновником государственного и общественного интереса, а то - и сознательное возведение групповых интересов бюрократической прослойки в ранг интересов всеобщих. Очень часто мы сталкиваемся и с вполне сознательными, включая криминальные, подменами интересов.

К сожалению, наша жизнь постоянно приносит нам все новые и весьма болезненные для общества примеры такого подчинения интересов общественных

интересам групповым, бюрократическим, в частности (хотя не исключительно) интересам окопавшейся у власти верхушки, с полной потерей чувства самоиронии именующей себя "элитой".

4. Отношение к служебной иерархии не как к фактору рациональной организации, но **как к базовой и даже самодовлеющей ценности**, что зачастую влияет не только на образ действий и конкретный выбор чиновником того или иного их варианта, исходя из принципа "что понравится начальнику", но и на сам образ его мыслей, когда чиновник вольно или невольно старается думать и рассуждать, как бы имитируя логику своего начальника, согласно известному принципу "начальству виднее". Подобное **холопское сознание** порождает снятие с себя ответственности, готовность бездумно выполнять любые распоряжения вышестоящих, независимо от их законности, моральности и даже от личного к ним отношения. Объем статьи и уважение к читателям, полагаю, делает излишним приведение конкретных примеров. Ими полна информационная сфера.

5. Ориентация на стабильность как базовую ценность под маркой консерватизма (хотя это понятие на самом деле имеет иной смысл). Она предполагает и неизменность, устойчивость status quo

вне зависимости от его адекватности актуальным, меняющимся условиям, требованиям времени, и максимальную подконтрольность каждого нижестоящего на лестнице должностей - вышестоящему, на исключение всякого риска и неопределенности. Объективно такая ориентация служила и служит питательной средой для застоя, ибо любое развитие, особенно в современных условиях, невозможно без увеличения у исполнителя "степеней свободы", без творчества и инициативы и, следовательно, без увеличения элементов неопределенности и риска.

В результате основанного на перечисленных чертах отбора и самоотбора выдвиженцев на высокие аппаратные посты приходят люди либо серые, безынициативные, либо успешно маскирующиеся под таковых "кивалы" (уничижительное наименование народных заседателей в советских судах). Люди с уровнем мышления и психологией начальника канцелярии достигают министерских, а то и более высоких кресел, определяя политику целых отраслей, а порой - и всей страны.

В этой связи еще раз обратимся к представляющим, по моему мнению, огромную историческую и аналитическую ценность свидетельствам высших

государственных чинов императорской России. Они звучат пугающе актуально. Вот цитаты из дневника П.А.Валуева, министра внутренних дел в период реформ, затем - члена Государственного совета, а в конце царствования Александра – председателя Комитета министров, человека с широким кругозором и подлинно реформаторскими ориентациями. «В обиходе административных дел государь самодержавен только по имени... но при усложнившемся механизме управления важнейшие государственные вопросы ускользают и должны по необходимости ускользать от непосредственного направления государя... Наше правление – министерская олигархия». «У нас вся энергия правительства, к сожалению, расходуется на меры строгости или на разрушение прошлого. Создавать органическое мы не горазды». «Система грубой силы и всякого рода принудительных мер проповедуется с успехом у трона». «Припоминая то, что я сегодня видел и слышал, во мне остается впечатление чего-то цинического, совершенно недостойного государственной деятельности. Государь созвал мужей Совета. Он был прав. Он предложил им вопрос на обсуждение. Но что сказали они и как обсуживали они этот вопрос? Не как советники, но как приказчики. Не

перед государем и для государя, а перед барином и для барина. К коим струнам человечески-монаршего сердца обращались они? Как всегда, к слабейшим и низшим, а не к благородным и возвышенным. Что проповедовали они? Ограничения, прощения, взыскания, безмолвие и боязнь. Ни в одном слове не выразилось сознание, что они, мужи Совета, чинодержатели и звездоносцы, граждане государства, что они имеют первенство над другими, но и долг предстательства за других... Для них русский мир – фольга, русский люд – декорация, вся Россия только подножие для их призрачного величия»¹. «Власть рассматривается не как средство, но как цель или право, или имущество»². «Страшно то, что наше правительство не опирается ни на одном нравственном начале и не действует ни одною нравственною силою. Уважение к свободе совести, к личной свободе, к праву собственности нам совершенно чуждо. Мы только проповедуем нравственные темы, которые считаем для себя полезными, но нисколько не стесняемся отступать от них на деле, коль скоро признаем это сколько-нибудь выгодным. Мы забираем храмы, конфискуем, ссылаем

десятки тысяч людей, позволяем бранить изменою проявление человеческого чувства, душим вместо того, чтобы управлять, и, рядом с этим, создаем магистратуру, гласный суд и свободу или полусвободу печати. Мы смесь Тохтамышей с герцогами Альба, Иеремией Бентамом. Мы должны внушать чувство отвращения к нам всей Европе. И мы толкуем о величии России и о православии!». «Неужели в России все добропорядочные люди вымерли? Неужели остаются только близорукие и короткоумные невежды, которые воображают, что они могут по своему произволению создавать или пересоздавать стихии государства?». ¹⁵

А вот наблюдения С.Ю.Витте, тогда еще (в 1878 году) – начинающего молодого чиновника со свежим взглядом: «Что за скопище подобострастных глупцов представляет Зимний дворец!». «Общественный, умственный, художественный уровень псевдостоличной петербургской жизни, под влиянием разных сил и, прежде всего, зимнедворцовой посредственности, постоянно понижается». А применительно к реформам, в сущности, аналогичную оценку окружению царя дает и военный министр Д.И.Милютин: «Такая колоссальная работа (реформа государственного устройства – А.О.) не по плечам

теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицмейстера или даже городского». ¹⁶

И это говорится об окружении, пожалуй, лучшего российского царя за всю историю, благодаря реформам которого страна имела наибольший в своей истории шанс перейти на персоноцентристский путь развития! Что же тогда говорить об окружении других наших венценосцев и более поздних лидеров. Б.Н.Чичерин, например, описав кадровую политику Александра III в книге "Земство и Московская Дума", сформулировал четкий вывод: *правительство ясно показало, что оно не нуждается в порядочных людях.*

Одно из следствий господства совокупности названных установок - внутренняя аппаратная шкала оценки чиновников, заметно расходящаяся с тем, что объективно требуется обществу от госаппарата. Ценятся (и, соответственно, продвигаются по лестнице служебной карьеры) не ищущие, инициативные и самостоятельные люди, от которых, как известно, можно ждать всяческого "беспокойства", а прилежные и послушные исполнители, умеющие подладиться под любого начальника, не "высовывающиеся", поддакивающие и полагающие педантичное следование правилам канцелярской рутины главной

управленческой добродетелью. Подобно трудолюбивым паучкам, они стараются спеленать любую идею и инициативу, угрожающую, по их мнению, заведенному бюрократическому "порядку". Порядок в делах, разумеется, необходим, и качества педанта очень ценны и даже незаменимы, особенно на технических должностях. Однако они отнюдь не достаточны (а зачастую и просто излишни) для занятия ответственных и тем более руководящих постов. Одна из драм нашего управления как раз была и состоит в том, что служебные карьеры, порой головокружительные, делают именно такие "паучки". Положение усугубляется **негативным отбором и самоотбором** чиновников в процессе найма и карьерного продвижения по ступенькам чиновничьей корпорации.

В этом же контексте, как представляется, стоит рассмотреть проблему служебной и человеческой **репутации** чиновника, которая в аппаратных кругах основана на внутренней бюрократической шкале ценностей, отличной от "нормальных" ценностей внешней по отношению к аппарату среды и с этих позиций предстает ложной, фальшивой.

Анализ бюрократа на уровне психологических установок личности позволяет увидеть, что такие

атрибуты бюрократического поведения как формализм, волокита, склонность к бумаготворчеству, бездушное отношение к людям и другие проявления канцеляризма, к которым обычно сводят бюрократизм в его дежурных изображениях, являются отнюдь не определяющими его чертами, а лишь вторичными, производными, симптоматическими признаками. Можно также делить бюрократов на "откровенных угрюм-бурчеевых" и замаскированных внешним лоском приличных манер, "культурности", псевдодоброжелательности, "деловитости" функционеров современного образца. Однако все это - не более, чем конкретные ситуативные и отчасти поколенческие вариации более общих стереотипов и деформаций бюрократического сознания, психологии бюрократа.

Стереотипы бюрократического сознания.

1. Функционерское сознание. Оно предполагает отключение гражданских чувств и нравственных принципов при выполнении служебных обязанностей или даже их полную атрофию. В своих действиях подобный чинуша руководствуется лишь формальными указаниями и карьерными соображениями. Требования жизни, не

укладывающиеся в инструкцию, не отражаются на его служебных действиях.

Вспоминается описание образа подобного функционера из советской философской литературы. Оно, думаю, ухватило суть: "Бюрократический "шеф" есть индивидуальное воплощение отчужденной силы безличного вещного порядка - "Дела". Это как бы большая пружина, вращающая кабинетами, бумагой, машинистками и даже самим шефом. От человека тут только биология; на месте сознания - средоточие типовых решений и сведений. Он совершенно исчерпывается готовой вещной ролью, но именно поэтому неисчерпаемо самодоволен, самоуверен и оптимистичен в своей единственной возможной "правильности"¹⁷ Было бы, однако, неверным видеть за этим образом некое роботоподобное существо, живой автомат. Вне своих служебных ролей бюрократ отнюдь не чужд ничему человеческому. Но подобный разрыв служебного и личного, социального и индивидуального неизбежно ведет к духовному оскудению личности. Ведь в современном обществе большинство людей реализуют и развивают свою личность прежде всего в труде. Поэтому и за пределами служебных дел такой бюрократ-функционер чаще всего тоже оказывается довольно примитивной личностью, с потребностями, в

основном направленными на потребительские блага и удовлетворение тщеславия посредством служебной карьеры.

При этом такой, по выражению Маркса, "частичный индивид" не только неполноценен нравственно, но по большому счету неэффективен и как работник, даже если добросовестно и напряженно трудится, поскольку его ограниченность неизбежно снижает и уровень понимания им своих задач и смысла работы в целом. А учитывая меру социальной ответственности государственного служащего, ему, может быть, больше, чем кому-либо другому необходимо гражданское самосознание. Но у функционера его нет, как говорится, "по определению".

2. Бюрократическая корпоративная этика и психология. Она включает ряд компонентов: бюрократический псевдо-коллективизм, предполагающий растворение ответственности и своего рода "круговую поруку" аппарата; псевдо-активность (имитацию бурной деятельности) в сочетании с доведенной до совершенства техникой "спихивания" неприятных или невыгодных дел и забот; неприятие и отторжение (либо блокирование) как чужеродных элементов "возмутителей спокойствия" и вообще неординарных людей, могущих составить

угрозу так любезному сердцу бюрократа рутинному порядку вещей, раз и навсегда заведенному шаблону; стремление к келейному решению вопросов в рамках закрытых "кабинетных" процедур, к монополизации информации, порой переходящее даже в патологическую склонность к "самозасекречиванию" для придания себе ложной значительности и получения возможности для разного рода манипуляций; использование особых речевых клише, элементов некоего языка для "посвященных", от пресловутых "есть мнение" и «нас не поймут» и клише типа "плохой товарищ", "неуживчивый", обозначающих человека, не склонного следовать внутренним правилам игры, как "упрямца", до современных. Думается, многие мои коллеги, исходя из личного опыта, могут внести вклад в составление этого бюрократического "анти-словаря".

3. Доминирование ретроградно охранительных стереотипов поведения, таких как перестраховка (в том числе, под масками бдительности и добросовестности, основательности); склонность к отрыву от реальной жизни в пользу превращенных, канцелярских форм деятельности; предпочтение и даже ритуализация привычного порядка, боязнь перемен, особенно предполагающих сокращение сферы контроля бюрократа над людьми и

материальными ценностями, поскольку это ограничивает меру его влияния.

При этом бюрократический консерватизм вполне сочетается с показной гибкостью, способностью адаптироваться к разной ситуации и политике посредством достаточно искусной социальной мимикрии. Мы были свидетелями таких массовых бюрократических маскарадов и во времена перестройки и позже, когда те же брежневские чиновники разыгрывали противоположные роли.

Один из охранительных стереотипов - очковтирательство, приукрашивание истинного положения дел. При этом любопытно, что подобный бюрократический "оптимизм" увеличивается в размерах по мере продвижения вверх по административной лестнице: чем ближе к высшему начальству, тем радужней звучат рапорты. Правда, в моде бывает и "негативное очковтирательство", когда стремятся изобразить положение дел в максимально катастрофическом свете, дабы получить дополнительные ресурсы, либо скрыть собственные доходы и пр. **4.Преувеличение своей служебной роли и неправомерное перенесение ее атрибутов на собственную персону.** Наиболее обычное его проявление - бюрократическое "барство" и хамство.

Они присущи как начальственному - "сановному", так и исполнительскому бюрократизму. Причем можно по-разному оценивать сравнительный вред от того и другого: у лица, занимающего ответственный пост, есть разные возможности продемонстрировать свою значимость (в том числе и положительно разрешить не решенный никем другим вопрос), тогда как у мелкого бюрократа единственный способ заявить о себе — это что-либо запретить. Ведь до тех пор, пока подобный "вахтер от бюрократии" ничему не препятствует, его никто не замечает, либо относятся к нему как к бесправному Акакию Акакиевичу. Если же он начинает артачиться и создавать другим трудности в работе, то сразу становится заметным. И пусть его не любят те, кому он мешает работать, пусть это идет во вред делу. Ведь главное для него - не дело, а возможность заявить о себе. Подобное явление можно назвать "синдромом вахтера".

К этому же стереотипу относится и ложное сознание собственной незаменимости, на котором базируется, в частности, стремление любыми средствами сохранить свое "кресло". При потере служебного положения оно обнаруживает себя утратой жизненных ориентиров, неспособностью найти новое место в жизни, а подчас - и психическими расстройствами, получившими у

психиатров даже специальное название - "синдром детронизации".

Положение осложняется тем субъективным обстоятельством, что средний чиновник часто искренне считает себя "честным стражем порядка", "блюстителем государственных интересов" и т.п. Но понимает он их при этом очень узко, в лучшем случае - с ведомственных позиций, а то - и с позиций интересов своего начальника, подразделения или своих личных. В этом ему помогают так называемые "защитные механизмы сознания" – психологическая "цензура", т. е. отключение сознания от нежелательной информации, подмена одной информации другой, а также искаженная шкала социальных значений, сверяясь с которой он фактически расценивает себя не как слугу общества, а как исполнителя установленного административного порядка и воли своих руководителей.

XX XX XX

Исчерпала ли бюрократическая форма правления с присущей ей шкалой ценностей и приоритетов свои позитивные возможности, насколько вероятна ее новая реинкарнация, сохранится ли она на исторической

сцене и как долго - вопросы высоко острые и интенсивно обсуждаемые. Причем межнациональная, международная бюрократия получает в свой адрес отнюдь не меньше критических стрел.¹⁸ И критическое обсуждение бюрократических реалий вышло за рамки академических сфер и правительственных кабинетов, и выплескивается на площади самых разных городов мира, где тон задает уже не официоз, а граждане. В общем плане вопрос этот выходит за рамки темы статьи.

Лично я не причисляю себя к радикальным "анти-бюрократам" и не склонен "списывать в расход" бюрократические формы правления и институты как таковые. Более того, я слабо представляю эффективную альтернативу нормальной бюрократии. Но **нормальной**, подчеркиваю. А конкретный российский случай - дело иное. Представляется очевидным, и далеко не только мне, что у **нас произошло злокачественное перерождение бюрократии**. С позиций веберовского понимания рациональности наша бюрократия является **иррациональной**. Ее качество определяют три дефицита – дефицит **интеллекта**, **дефицит инициативности** и **дефицит порядочности**. В ее нынешнем состоянии она - опасная патология, тяжкие

вериги для общества. Она не просто балласт, мешающий его полноценному развитию, но угроза самой жизни страны. С позиций моего личного весьма умеренного исторического оптимизма очевидна неизбежность ее исторического краха в обозримой перспективе или, как минимум, радикальной трансформации. Но сколько зла она до тех пор еще принесет стране и людям, в ней живущим, предсказать не берусь.

И значительная и все растущая часть общества это понимает. Данные социологических опросов свидетельствуют о весьма низком авторитете большинства государственных институтов. Юрий Левада и Лев Гудков уже достаточно давно сделали эмпирически обоснованный вывод: **наш человек знает, что реальное государство его всегда обманет**. И ведет он себя в соответствии с этим пониманием, которое постоянно получает все новые подтверждения. А вера в "добротого царя" как последнюю надежду не компенсирует этого отсутствия доверия к государству. Да и на памяти моего поколения в одночасье рухнули казавшиеся незыблемыми заоблачные рейтинги двух наших президентов.

Наша бюрократия - раковая опухоль на теле общества. Однако, продолжая эту метафору, все же

выскажу осторожную надежду, что ее еще можно попытаться не "оперировать", а "облучать и подавлять химиотерапией", которой в данном случае будут реальные (а не симулятивные) институты общественного контроля, гласность, обстоятельный научный анализ. Но одной наукой проблемы не решить. Поэтому закончу фразой Даниила Хармса, одного из многих поэтов, убитых советским государством: "Жизнь побеждает смерть неизвестным науке способом".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

¹ Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше. // Полн. Собр. Соч. Т.45. С.400.

¹ Каспэ С. И. Политическая форма и политическое зло. Школа гражданского просвещения. М. 2016. С.88.

³ В научном плане это связано с вопросом о соотношении и связях между политологией и наукой государственного управления. О том, что самоизоляция научных управленцев от политологов носит во многом искусственный характер и связана с такими факторами как профессиональная неподготовленность вплоть до невежества (ignorance) первых и их боязнь затрагивать реальные политические пороки своих правительств, от которых они зачастую зависят материально и морально, см., напр. в специальном номере журнала, посвященном сравнительному анализу в обоих названных дисциплинах: Steven Van de Walle and Marlen Brans "Where Comparative Public Administration and Comparative Policy Studies Meet", В.Guy Peters "Comparative Politics and Comparative Policy Studies"// Journal of Comparative Policy Analysis: research and practice. 2018, Vol 20, No1.

³ Государственная служба: комплексный подход. Гл. 1 «Политологический аспект: государственная служба с позиций теории бюрократии» С.11-48; М. «Дело», 2009. С. 40.

⁴ Durkheim E. The Division of Labor in Society. N.Y. 1964. P.361.

-
- ⁷ Гоголь Н.В. Сочинения в двух томах. Том второй. «Мертвые души»; М. «Художественная литература», 1973. С. 184-185.
- ⁸ См., напр.: Кордонский С. Г., Дехант Д. К., [Моляренко О. А. Сословные компоненты в социальной структуре современной России](#) // Отечественные записки. 2012. № 46 (1). С. 74-91.
- ⁹ Маркс К, Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права. Соч.Т.1. С.271. Подр. анализ взглядов К.Маркса на бюрократию см. в работах В.П.Макаренко, начиная с: Макаренко В.П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов н/Д. 1985.
- ¹⁰ Фромм Э. Иметь или быть. «Прогресс». М. 1990. С. 193.
- ¹¹ Подр. см. Оболонский А.В. Право граждан на уличный протест и полиция: опыт США// Вестник Института Кеннана в России, вып. 24. 2013. С. 40-49.
- ¹² Лукьянова Е.А. О верховенстве права// С.303-328. Труды по россиеведению, вып.5. М. 2013-2014. С.307.
- ¹³ Арндт Х. Ответственность и суждение.// Издательство Института Гайдара. М. 2013. С.94.
- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Там же. С. 270.
- ¹⁵ Александр П.Воспоминания. Дневники. Пушкинский фонд. СПб. 1995. Сс. 147, 191, 193, 199, 207, 211, 215.
- ¹⁶ Там же. Сс. 215, 302, 307, 325.
- ¹⁷ Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип. С.73-144.// Проблема человека в современной философии. М. 1969. С. 130-131.
- ¹⁸ Вполне, на мой взгляд, заслуженно: см., напр: Пелчинская-Налеич К. Кризис нормативной системы ЕС. Время менять политику ценностей//Вестник Европы. 2017. Т.XLYIII. С.129-138.